

Iwona Zdanowicz

DOI 10.15290/sw.2017.17.10

Uniwersytet w Białymstoku
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
tel. +48 85 7457450
e-mail: iwona.zdanowicz@op.pl

«Жизнемысль» в творчестве Михаила Пришвина как протест против эксплуатации природы

Ключевые слова: Михаил Пришвин, человек и природа, литература путешествий, наука и техника, цивилизационный прогресс, индустриализация, русский космизм.

Философами и историками замечено, что в каждую новую эпоху общественного развития люди заново решают вопрос о характере их отношения к природе. Такая ситуация возникла в России в первые десятилетия XX века, когда в стране происходила крупномасштабная смена уклада жизни: патриархальный уклад, с которым было связано сложившееся в прошлом понимание природы, сменялся эпохой индустриального строительства [Гурленова 1998, 3].

В 1920-е годы началось в России активное, широкомасштабное освоение северных территорий страны. Велся интенсивный поиск полезных ископаемых, строились крупные промышленные комплексы, прокладывались северные морские и воздушные пути. Учеными осваивались Северный и Южный полюсы, Арктика и Антарктида.

В русской литературе этого периода на первый план выдвигались проблемы «революционного содержания», «активности рабочего класса», «социалистического строительства», научных экспедиций, а природа допускалась лишь как фон индустрии. Распространенными стали лозунги о покорении и подчинении природы, призывы к борьбе со стихийной, дикой природой, развивалась идея всемогущего человека

(«Вырывающийся из-под контроля среды маргинальный человек спешит утвердить свое господство над нею» [Акимов 1995, 83]), который способен управлять бессмысленной и беспорядочной средой при помощи техники¹.

В декларациях некоторых литературных групп² и в творчестве ряда писателей³ культивировались идеи ухода от природы, фетишизации техники, вещи, машины, инструмента, урбанизации. И в жизни, и в литературе доминировала мысль о том, что советский человек призван покорить «пространство и время», преобразовать не только социальную действительность, но и природу. «Угроза владычества человека, которому «все дозволено» (Федор Достоевский), оказалась реальностью» [*Русская литература...* 2005, 8]. Главным лозунгом стала фраза: «Нечего ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» [Халий 2000, 166].

Откровенному технократизму, природоборчеству сильную оппозицию составили одновременно писатели, одни из которых ориентировались на духовный опыт прошлой эпохи (опыт патриархальной национальной жизни) и, в соответствии с пантеистическим мирозерпанием, отличающем человека патриархального уклада, защищали идею полного подчинения человека природе (напр., Сергей Клычков, Владимир Арсеньев), другие, обладая обширными познаниями в различных областях науки, предвидели катастрофические последствия для человеческой цивилизации потребительско-эгоистического отношения человека к природе и, не отрицая необходимости развития науки и техники, резко критиковали идею тотального покорения природы, предлагали ограничить вмешательство человека в природную жизнь [Гурленова 1998, 21] (Михаил Пришвин, Иван Соколов-Микитов и др.). Общее, что объединяло две названные позиции – это: «видение природы как грандиозного целого, живой системы систем, виртуозного творения рож-

¹ До XX века действия людей по отношению к природе носили характер неосознанного завоевания: природа просто истреблялась, так как ее ресурсы казались неисчерпаемыми. Позднее это завоевание приобрело осознанный и целеустремленный характер эксплуатации и грабежа, потому что не нарушалось (еще) экологическое равновесие и природа не могла отомстить человеку.

² Образовался ЛЕФ (Левый фронт искусств) – литературная группа, возникшая в конце 1922 в Москве и существовавшая до 1929, которую возглавил Владимир Маяковский. Объединение издавало свой журнал «ЛЕФ» (1923–1925). Затем (в 1927 г.) был организован другой журнал меньшего объема «Новый ЛЕФ», прекративший свое существование к концу 1928-го, когда ряды левовцев покинул Маяковский.

³ Федор Гладков (*Цемент*, 1924; *Энергия*, 1932–1938), Николай Ляшко (*Доменная печь*, 1925), Леонид Леонов (*Соть*, 1930), Валентин Катаев (*Время, вперед!*, 1932), Бруно Ясенский (*Человек меняет кожу*, 1933) и др.

дающих сил Земли, быть господином которого человек не имеет ни возможностей, ни прав» [Гурленова 1998, 34].

Оппозиция к «отрицательному отношению» к природе, сформировавшаяся в литературе во второй половине 1920-х годов, свидетельствовала, по крайней мере, о двух серьезных ее качествах: о силе национальной традиции, сохраняющейся в условиях глубокой перестройки искусства, и о независимости многих мастеров художественного слова того времени от господствующей политической идеи [Гурленова 1998, 22].

Неожиданной стороной выполнения литературой социального заказа⁴ было то, что многие писатели, которые путешествовали по стране с учеными экспедициями, заинтересовались не столько возможностями индустриализации территорий, сколько их природным миром. Это активизировало тему природы в литературе, стали развиваться художественные формы изображения природы. Появилось много произведений, авторы которых открывали природу не как материал для строительства новой жизни, а как громадный самостоятельный и богатый мир. Путешествуя, наблюдая и описывая реальную жизнь, литераторы (часто неожиданно для себя) выполняли важную для природы «сберегающую функцию» [Давыдова 1983, 28] – поддерживали диалог с природой, в котором открывали для себя ее красоту и смысл, ее величие и зависимость от нее человека, понимали многосторонность чувственных связей человека с естественным миром. Одни критики, в том числе и писатели, которые выступали в этой роли, обнаружив «уклон» от актуальных задач социалистического строительства в литературе путешествий, подвергли ее изобличительному разбору⁵, другие, хотя это редкие случаи, давали положительные оценки литературе, «охра-

⁴ В условиях советского государства свобода художников слова была уничтожена требованием служить интересам партии и народа: «Решено было за автора, какие чувства он испытывает по поводу того или иного факта. Чаще всего и чувств никаких не нужно было. Нужно было только одно – „клеить!“» (Цитата взята из А.С. Волковинского, *Эволюция поэтики прозы В. Катаева*. Цитируя слова Волковинского, я пользовалась статей С.А. Комарова [См. Комаров, 71, online]). Вожди пролетарского искусства были решительно настроены унифицировать художественное творчество, поднимать его партийным интересам, укреплять с его помощью идеи природоборчества и радикальный антропоцентризм в общественном сознании [См. *Большая цензура...* 2005]. В сборнике представлена документальная хроника создания и функционирования жесткой системы тотального контроля за содержанием и направлением всех видов печати и литературного творчества.

⁵ Напр., Андрей Платонов в своей статье «*Неодетая весна*» М. Пришвина (1940 г.) пишет о Михаиле Пришвине: «(...) смысл нашей жизни находится среди людей, а не среди животных и растений» [См. Платонов 1985, 404].

няющей» природу (напр., Виктор Шкловский назвал *Дерсу Узала* Владимира Арсеньева «великой книгой»).

Важным этапом развития и литературного осмысления этой вечной проблемы, какой является тема взаимоотношений человека и природы стало творчество Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954). Почти весь его писательский голос нацелен на художественное исследование этой проблемы⁶. В его произведениях изображается не просто портрет природы: читатель захвачен и самим предметом описания, и методом наблюдения, повлиявшим на работу со словом. У Пришвина природа есть тот «угол писательского зрения», который позволяет охватить действительность в «космическом» масштабе [Мохнаткина 2005, 3–4].

Будучи студентом, Пришвин меняет разные факультеты «в поисках философского камня». В вузовские годы он «заболевает марксизмом», отдав ему предпочтение перед идеологией народничества⁷:

Мне, молодому, жить хотелось, а у народников «для себя», как мне представлялось, выхода не было. У марксистов же, в их бодро-задорном поведении открывался для меня личный выход из народнического узкого круга идей к общечеловеческому смыслу [Пришвин, *Кащеева цепь*, 31, online].

Полный оптимизма молодой марксист, получив разрешение на продолжение образования за границей, выезжает в Германию, сыгравшую

⁶ Контекст темы природы в наследии художника отличается широчайшим охватом действительности: революции, становление новой социальной системы, колебания автора в оценках народа, власти, литературы, поиски нового статуса в своей судьбе и многое другое. Даже Пришвину, сознательно отказавшемуся от участия в политической борьбе и гордившемуся тем, что он «сделал в советское время редкую карьеру независимого человека» (дневниковая запись Пришвина; цит. по: Холодова 2000, 190), не удалось сохранить творческую свободу в тоталитарном государстве. Это подтверждает творческая история пришвинского романа-сказки *Осударева дорога* (1957). В слове *От автора* Пришвин пишет: «*Осударева дорога* написана по материалам, освещенным личными переживаниями автора. Не скрою от читателя, что опыт сплетения истории, автобиографии и современного строительства для меня был нелегок» [Пришвин, *Осударева дорога*, 6, online]. Этот роман – ценнейшее свидетельство самого писателя о том, как он из соображений внутренней цензуры и под давлением рецензентов вынужден был подстраиваться к требованиям «заказчиков» и едва не потерял «свое лицо» и репутацию честного и бескомпромиссного человека [См. Холодова 2000, 181–190].

⁷ Особой вехой в жизни молодого человека стал перевод книги Августа Бебеля (August Ferdinand Bebel) *Die Frau und der Sozialismus* (1879), который послужил причиной ареста (книга была запрещена цензурой). После освобождения Пришвин получает разрешение выбрать для жительства на три года любой университетский город, но выбирает уездный родной Елец. Составляя летопись своей жизни в 1918 году, он отмечает: «Высланный на родину в Елец – продолжаю быть марксистом» [Воспоминания... 1991, 28].

огромную роль в формировании его мировоззрения⁸. В этот период трудной оказалась борьба Пришвина с собственным мышлением. Посещая лекции Георга Зиммеля (Georg Simmel), Вильгельма Оствальда (Wilhelm Friedrich Ostwald), Вильгельма Вундта (Wilhelm Maximilian Wundt), Людвига Бюхнера (Ludwig Büchner), изучая *Прологомены ко всякой будущей метафизике* (*Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaph*, 1783) Иммануила Канта, *Этику* Бенедикта Спинозы (Baruch Spinoza), натурфилософию Иоганна Гете (Johann Wolfgang von Goethe), интересуясь философией Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche) и Артура Шопенгауэра (Arthur Schopenhauer), Пришвин обнаруживает, что его убежденность в правоте и «святости» марксизма колеблется. С того момента формируется у него интерес к философии, во многом определивший специфику художественного творчества будущего писателя.

Свой первый очерк Пришвин написал в 1907 году. Произведение *В краю непуганых птиц* отмечено глубочайшим интересом к жизни народной души:

В архангельских лесах, с берданкой за плечами, он пережил те «вспышки ослепительного зеленого света», те, ни с чем не сравнимые дни настоящего счастья, которые напомнили ему детское путешествие осенью по Быстрой Сосне во время осеннего перелета птиц, когда он плыл в неведомую страну «туда, не знаю куда», как любимые им герои русской сказки.

Здесь, среди финских скал и «светлых лесных озер», он почувствует красоту плавной русской речи, таинственную, завораживающую силу народных сказаний, их неисчезающую правду (...). Жизнь предстанет перед ним как грандиозный миф, реальность обнаружит подлинную мифическую глубину и иное качественное измерение [Борисова, гл. I, online].

В краю непуганых птиц Пришвин рисует природу с различных сторон – хозяйственной, научной, философской, эстетической. Часто он показывает ее как материальную сферу, являющуюся основой человеческого существования. Писатель изображает природу в основном с позиций хозяйственного к ней отношения, воспринимает ее как бы глазами сельского труженика. Даже там, где он показывает суровую природу Севера, чувствуется, что она представлена через восприятие крестьянина, с большим трудом добывающего себе хлеб насущный, но это вовсе не говорит об отсутствии эстетического подхода к природе [Зотов 1982, 6].

⁸ Художественная история пребывания молодого Пришвина в Германии найдет отражение в автобиографическом романе *Кашеева цепь*.

В своем очерке Пришвин затрагивает экологические проблемы⁹, тему прогресса и природы, «природного человека» и природы. Художник с большой озабоченностью писал, что берега одной из северных рек – Свири – выглядят тускло и скучно («Хороши они, вероятно, были раньше, когда на них были вековые леса» [Пришвин, *В краю непуганых птиц*, 16, online¹⁰]), а леса почти не увидишь (леса уже вырублены):

Теперь (...) только и слышишь слово «лес», но с прилагательными: пиленный, строевой, жаровой, дровяной и т.д. Этот лес тащат буксирные пароходы (...).

Река Свирь – прежде всего место для перевозки леса, муки (с. 16).

Автор понимает, что вырубаются лучшие деревья, но злится, что используются только разные части их ствола, а остальное «(...) бросается в лесу и гниет» (с. 29). Герой говорит:

В то время как где-нибудь в черноземной полосе чуть не из-за сучка помещик судится с мужиками, здесь бесчисленное количество леса пропадает даром. Лес до сих пор здесь, как вода и воздух, еще ничего не стоит (с. 29).

Герой-повествователь заявляет, что он не говорит этого для того, «чтобы сделать очерк о промышленности», он только хочет отметить, что прогресс «уж очень кладет свой отпечаток на все» (с. 16). Автор обращает внимание читателей на факт, что бездумная вырубка леса по берегам рек приводит к нарушениям во всем большом организме реки: размываются берега, исчезают растения, служившие пищей для рыб¹¹.

⁹ В современном понимании. Тогда термин «экологические проблемы» не был еще широко известным.

¹⁰ Далее текст цитируется по этому источнику. Номер страницы указан в скобках после цитаты.

¹¹ Об этой же проблеме речь идет в книге очерков *Берендеева чаща* (другое название *Северный лес*, 1935) и в *Корабельной чаще* (1954). Надо иметь в виду, что эти негативные явления начались в русской стране еще в XIX веке. Тревога о судьбе лесов, рек, птиц, животных, гибнущих от человека, звучит, например, в рассказе *Свирель* (1887) Антона Чехова: «(...) Реки-то небось сохнут! (...) с каждым годом все мельче и мельче. (...) при отце моем там Песчанка текла, а таперь погляди, куда ее нечистые занесли! Меняет русло и, гляди, доменяется до той поры, покуда совсем высохнет. За Кургасовым болота и пруда были, а нынче где они? А куда ручьи девались? И леса тоже... И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растет. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди – так без конца-краю, покуда ничего не останется. (...)» [Чехов, online].

Припомним, что уже реформы 1860-х годов (между прочим отмена крепостного права, которая дала начало капитализму и развитию предпринимательства в стране) привели к появлению «массового» человека, а с ним и массовой культуры. Из-за

Вопрос о необходимости границ в изменении «первой» природы особо остро встал для писателя тогда, когда уже государство, а не частный человек, взялось за масштабное освоение земли: осушение болот, изменение речных русел и т. д. Объемы изменения природы ошеломили художника. Он начинает размышлять о губительных для Земли как планеты последствиях вмешательства человека в природную жизнь. Этот поворот мысли привел писателя к пониманию необходимости переоценки человека. Он рассматривает его теперь как существо, пережившее значительную эволюцию на историческом пути и изменившее свое положение в природе [Гурленова 1998, 77]. В *Мирской чаше* (1922) Пришвин пишет:

(...) мы покорили безумие животных и сделали их домашними, или безвредными, не замечая того, что безумная воля их переходила в человека, сохранялась, копилась в нем до времени, и вот отчего (...) все бросились истреблять леса, – это не люди, это зверь безумный освободился [Пришвин, *Мирская чаша*, 1, online].

Действия этого «безумного зверя» изображены писателем в *Журавлиной родине* (1929). Автор описывает гибель лилий, происшедшую в результате изменения человеком речного русла:

Теперь на мертвых усохших плесах подводные части этих растений толщиной в руку, свернувшись, как кишки большого животного, иногда желтого, синеватого, а то и фиолетового цвета, сиротя, лежали в гнили [Пришвин, *Журавлиная родина*, 24, online].

Интересы человека в это время стали явно превышать в сознании Пришвина «интересы» природы. Однако среда мыслилась писателем как более сильный организм, чем человек и, защищая право человека на лучшее устройство в природе, писатель утешал себя тем, что природа сможет справиться с варварством маленького, слабого человека. Он был уверен, что природа в состоянии защищать себя сама:

быстро развивающегося капиталистического рынка человек превратился в придаток работы, стремился к получению выгоды в кратчайшие сроки. Появился культ денег, возникло ощущение ненужности, бесполезности, невозможность выработать самооценку благодаря приобщенности к чему-то важному и значимому для общества. Возникла потеря нравственных и эстетических ценностей, смысла жизни, чувства семьи, дома, люди стали чуждыми обществу. Жизнь оказалась более цивилизованной, но одновременно и более примитивной, обыкновенной, бытовой. Окончательно буржуазной монархией, капиталистической страной, страной заводов и железных дорог Россия становится именно в начале XX века.

Эти реки за тысячи лет своей жизни бездумно нащупывали свой извилистый путь. Они как будто вид только делают, что подчиняются лучшему прямому пути, сделанному рукой человека. Стоит на короткое время их предоставить самим себе, как они возвратятся в старое русло, а магистраль заплывет [Пришвин, *Журавлиная родина*, 24, online].

Думается, что причина такого мышления кроется в том, что Пришвин хорошо видел и понимал те части целого, которые тщательно исследовал, и затем уже обнаруживал отражение в малом общего. Его замечание: «Кто (...) хоть раз в химической лаборатории сделал количественный анализ с точностью до четвертого знака, тому в искусстве все будут мерещиться букашки» [Пришвин, *Мой очерк*, online], – поясняет суть его взгляда на мир [Гурленова 1998, 78].

В следующих литературных трудах писатель задумывался еще и над смыслом жизни человека, над предназначением человечества. Светлана Семенова в своей книге *Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе* пишет:

(...) проникновение пришвинского творчества во многие корневые вопросы существования человека рождались не только из его жизненного опыта, таланта особого всматривания в окружающее – всегда признававшихся за ним, но и из его глубокой причастности к научной и философской мысли прошлого и настоящего [Семенова 1989, 378].

На формирование философских взглядов художника и на его творческий процесс оказали влияние, между прочим, идеи русского космизма¹², ориентированного на восприятие человека в качестве органичной части космического единства. На наш взгляд, наиболее важное значение для выработки мирозерцания и художественного мышления писателя имели основные идеи крупнейших религиозных мысли-

¹² Как философское течение в России космизм объединяет не только философов, но и писателей, поэтов и художников. Термин «русский космизм» сложился в русской философии в 70-е гг. XX века в основном в связи с интерпретацией идей Николая Федорова, Константина Циолковского и Владимира Вернадского. В историко-философской литературе выделяются три разновидности русского космизма: религиозно-философский (Федоров); естественнонаучный (Циолковский, Вернадский, Александр Чижевский); поэтически-художественный (Владимир Одоевский, Александр Сухово-Кобылин). Выделение разновидностей в русском космизме условно, так как идеи его представителей часто противоречат друг другу. И все же для большинства представителей этого течения характерно признание наличия смысла существования космоса и человека в нем, принятие идеи эволюционного развития связи человека и космоса, выдвигание на передний план практически деятельного начала человека. Важнейшей идеей русского космизма была идея об организации связи человека с окружающей нас природой и с космосом в целом.

телей XIX столетия: Николая Федорова, с его идеей воскрешения отцов и концепцией преображения мира как смысла человеческой жизни («Учение Федорова – целостная система, содержащая в себе попытку по-новому взглянуть на назначение человека в мире, поставить перед ним невиданную задачу, предложить пути ее выполнения» [Майков, Козлов 2007, online]), и Владимира Соловьева, с его идеей Всеединства. Философ считал, что

реальный мир – это не просто результат творения Бога, а единое целое со «Всеединым». Так и возникает в его философии категория «Всеединства», объединяющая в себе в единое диалектическое целое идеальный и реальный миры [Перевезенцев, online].

Философию Всеединства, как соединения всего со всем, как единства и родственной связи существ мира Пришвин использует во всем своем творчестве. Во главу угла своего мировоззрения писатель ставит чувство родства не только с людьми, но и со всем миром: «человек существует на земле вовсе не из-за себя, а для единства» [Хализев 1998, online].

Пришвинское Всеединство – это не художественная иллюстрация какой-то определенной философской системы. Для него это не было только идеей или принципом, каким-то представлением, для него Всеединство было эмпирической данностью, он чувствовал его, ощущал эти пронизывающие все космические связи. Писатель исходил из признания родственности, однородности человека и мира, взаимного проникновения человеческого «я» и мира. Вселенная для художника – это живой организм, где все пронизано единой живородной связью [Борисова 2003, online]. Для героя-повествователя повести *Жень-шень* (1933) и камни, и скалы, и морской прибой – все вступает в особую связь с человеком:

После того я лег на камень и долго слушал; это камень-сердце по-своему бился, и мало-помалу все вокруг через это сердце вступило со мною в связь, и все было мне как мое, как живое. Мало-помалу выученное в книгах о жизни природы, что все отдельно, люди – это люди, животные – только животные, и растения, и мертвые камни, – все это, взятое из книг, не свое, как бы расплавилось, и все мне стало как свое, и все на свете стало как люди: камни, водоросли, прибой и бакланы, просушивающие свои крылья на камнях совершенно так же, как после лова рыбаки сети просушивают [Пришвин, *Жень-шень*, гл. IV, online¹³].

¹³ Далее текст цитируется по этому источнику. Номер главы указан в скобках после цитаты.

В *Жень-шене* писатель изображает природу и человека как два разных и родных мира, «идущих» по «общей тропе» (гл. XVI) жизни¹⁴. Об этом свидетельствует целый ряд ассоциативно связанных друг с другом образов, мотивов, эпизодов: осенний «гон» оленей и «любовный пробег» человека по земле; смена рогов у оленей и момент, когда герой сбрасывает с себя «все созданное, как олень свои рога» (гл. XVI) и т.д.

Глубинную духовную связь, единую судьбу, сотворчество человека и природы раскрывает в повести символический образ предрассветного часа, данный человеку «вместо счастья», когда он, «соединенный со всеми силами природы в единое целое», делает «то незаметное общее дело, благодаря которому счастливые люди, проснувшись в лучах солнца, часто в восторге говорят: «Ах, какое нынче прекрасное утро!» (гл. X). Герой, «искушенный в жизненных предрассветных догадках», «с уверенностью» говорит: «(...) в основе всякого истинного счастья непременно лежит эта незаметная и совершенно бескорыстная работа всех соединенных сил мира в предрассветный час» (гл. X).

Повесть *Жень-шень* связана с другими произведениями Пришвина идеей единства природы и человека, мотивом ухода (мотив «бегства в природу»¹⁵), смысл которого – в возвращении человека к самому себе и к истинной жизни мира. Действие повести четко обозначено

¹⁴ Образ тропы (тропинки) является сквозным в творчестве писателя: «Тропинка в лесу – это самая интересная книга, какую мне в жизни только приходилось читать» [Пришвин, *Кащеева цепь*, 32, online] – пишет Пришвин в *Кащеевой цепи*, признавая лес, шире – природу, богатейшим и умнейшим созданием. В то же время писатель замечает, что все лесное население тянется к тропе, протоптанной в лесу человеком: «(...) все обязаны убежищем своим на диком болоте одному только человеку. (...) И нигде на свете я не встречал такой любовной, в смысле добровольности, связи животных с человеком» [там же]. В этом случае образ тропы символизирует путь познания природы, является символом доверительных, любовных отношений человека и природы.

¹⁵ В конце XIX – начале XX вв. образ «естественного человека» был переосмыслен и приобрел дополнительные свойства. Это персонаж не только тонко чувствующий природу, но полностью в нее «погруженный» и живущий «природной», противопоставленной прогрессу жизнью. Предощущение явления такого героя в публицистической форме было выражено в работе Соловьева *Враг с Востока* – статье об оскудении земли и человека посредством «прелестей» машинной цивилизации: «Железные дороги беспощадно пожирают леса и этим усиленно способствуют гибели нашего земледелия» [Соловьев, online]. Свообразным ответом на наступление машинной цивилизации в литературе стало рождение мотива «бегства в природу». Это осознанный выбор персонажей как Александра Куприна, Алексея Чапыгина, Вячеслава Шишкова, так Михаила Пришвина. Их герои бегут от «благ» и «прелестей» технического и социального прогресса.

– 1904 год, однако контуры исторических событий (а это время русско-японской войны) предельно размыты.

Повесть начинается с того, что автобиографический герой-рассказчик (сапер-химик), «долго терпел», участвуя в боевых действиях, «и, когда воевать стало бессмысленно, взял и ушел» (гл. I). «Уход» героя связан с мотивом смерти-воскресения. Он переживает смерть:

Как гудел роковой снаряд, подлетая к нашему окопу, я слышал и отчетливо помню и посеичас, а после – ничего. Так вот люди иногда умирают: ничего! За неизвестный мне срок все переменялось вокруг: живых не было, ни своих, ни врагов, вокруг на поле сражения лежали мертвые люди и лошади, валялись стаканы от снарядов, обоймы, пустые пачки от махорки, и земля была, как оспинами, покрыта точно такими же ямами, как возле меня (гл. I).

Следствием этой ситуации и становится его духовное возрождение к новой жизни – вне войны. Герой-рассказчик, которого «с малолетства манила неведанная природа», уходит, «сам не зная куда» (гл. I), но оказывается почти по законам сказочного превращения в удивительном краю: «И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай» (гл. I). Сначала это Маньчжурия, где «(...) долины с такой травой, что всадник в ней совершенно скрывается, красные большие цветы – как костры, бабочки – как птицы, реки в цветах» (гл. I). Из этого сказочного, но чужого края начинается путь героя на родину, в Россию, которую он находит в распадке, захваченную китайскими охотниками. Здесь происходит его встреча с Лувеном (основным занятием Лувена является народная медицина; герой ищет жень-шень – секретное средство Восточной медицины, возвращающее здоровье, молодость и красоту), который стал его «духовным отцом». Таким образом местом действия повести становится поистине необычная земля: она на границе войны и мира, «рая» и реальной России, Востока (китайской культуры) и России.

Вначале герой долгое время живет почти как первобытный лесной человек вместе с мудрым китайцем Лувеном, живет как созерцатель, ушедший в свою внутреннюю боль. Мерный шум Великого океана, «как часы самой планеты» (гл. IV), пышная и своеобразная растительность, хищники-тигры и очень изящный редкий зверь – олень-цветок, – такова окружающая обстановка. На ее фоне разворачивается повествование о жизни героя, о его замыслах, размышлениях и переживаниях. Но за всем этим рисуется обобщающий этико-философский план произведения. Уже название повести содержит в себе философский смысл:

повесть о жень-шене – это повесть об обретенном корне, о найденном смысле жизни. Для Пришвина жень-шень – символический образ творческих сил жизни в природе и человеческой душе, тех созидательных сил, которые соединяют миллионы людей в их многовековой истории и благодаря которым сохраняется жизнь. Герой воспринимает цветок как свидетельство великой тайны жизни¹⁶:

Жень-шень в повести являет собой сложный и многозначный символ. В связи с ним возникает прежде всего мотив магически-сакральной связи *Жень-шеня* с героем-повествователем, поэтому корень жизни – это источник мудрости и творческой сублимирующей энергии [Борисова 2001, 256].

«Творческая сила корня жизни», как считает автор, в том, «чтобы выйти из себя и себе самому раскрыться в другом» (гл. XVI). Так, герой повести, постигая свой корень жизни, «выходит из себя», из своего горя и себе самому раскрывается в Лувене, в «неведанной природе», в деле своей жизни – в деле охраны и разведения прекрасных исчезающих зверей, наконец, в женщине, которую полюбил. Жень-шень помогает герою понять, «какая неистощимая сила творчества заложена в человеке» (гл. XIV). Герой становится в повести символом духовного становления личности, связанного с самопознанием, внутренними исканиями, творчеством собственной жизни и самое главное – с выходом из горя и страдания к радости. Все это особенно очевидно раскрывается в отношении героя к природе.

Живя в краю невиданной природы, со временем герой начинает чувствовать необходимость выйти за пределы того миропонимания, которое открылось ему через Лувена, который соединял родственным вниманием в единое целое все окружающее.

Старый мудрый китаец очень дорог герою. Он – носитель опыта, легенд, жизненных норм, выработанных его народом за долгие века жизни в тайге. Искатель корня жизни лечит людей пантами пятнистого оленя и жень-шенем, разделяя со своими пациентами веру предков

¹⁶ Изначально рассказ Пришвина публиковался под названием *Корень жизни*. Изменив заглавие на *Жень-шень*, писатель акцентирует мифологическую составляющую этого образа. Писатель органично соединяет в своем повествовании естественнонаучные знания и мифолого-символический пласт архаических верований. В восточной культуре корень жень-шеня считается универсальным лечебным средством. Древнейшая китайская медицина считает его «корнем жизни», дающим здоровье всем больным. Корню жень-шеня приписывают способность продлять жизнь и молодость. В народе его называют корнем жизни, чудом мира, духом земли, святой травой, царем земных растений и т.п.

в целебные свойства этих «реликтов». Его внутренняя сосредоточенность и прирожденная душевная способность проникаться заботами и болью близких вызывают со стороны героя восхищение и бесконечную благодарность. Герой даже видит в Лувене идеал культурного человека:

Мне, однако, счастливо пришлось, что был возле меня Лувен, самый нежный, внимательный и – я осмелюсь сказать – самый *культурный* отец, какие только бывают на свете. (...) Так вот тут-то я и научился понимать, на всю жизнь, не по книгам, а на примере, что культура не в манжетах и запонках, а в родственной связи между всеми людьми, превращающей даже деньги в *лекарство* (гл. V).

В повести возникает особая художественная картина мира, в которой отчетливо эксплицирована связь природы и культуры. Основные герои выступают в роли создателей и охранителей культурных ценностей:

В то время, конечно, я и не подозревал, куда приведет нас начатое дело и что оно наряду с воздухоплаванием и радио есть именно самое новое дело. Приручением животных люди занимались только на заре человеческой культуры и, добыв себе несколько видов домашних животных, почему-то забросили его и продолжали с домашними жить по рутине, а диких стрелять. Мы возвращались к этому заброшенному делу с накопленным за это время безмерным знанием, и, конечно, и мы были другие, и по-другому должно было создаваться дело, начатое на заре человеческой культуры дикарями (гл. XVIII).

Писатель считает, что новое человечество с «особенно острой потребностью в любви» (гл. XVI), вооруженное новыми знаниями, стремится к единению. По его мнению, нужно соединить многовековой опыт предков с методами «современного знания», с потребностями изменяющейся жизни:

Я ищу ежедневно всякого повода соединить методы современного знания с силой родственного внимания, заимствованного мной у Лувена (гл. XVI).

Это по-своему отказ от европоцентризма (сначала главный герой именует себя «обученным европейцем» (гл. VIII) и видит в этом определенное превосходство над местными жителями) и стремление соединить в русской культуре лучшие достижения Востока и Запада. Ведь совсем не случайно «Арсея» (Россия) героя и Лувена – это их общая прародина, локус Всеединства [Трубицина 2011, 88].

Таким образом мысль автора устремляется далеко в будущее, в мировую культуру, планетарную цивилизацию. «Новое дело» по экологичному овладению природным миром, сравнимое с воздухоплаванием и изобретением радио, должно объединить всех:

Я представлял себе мое пантовое хозяйство в четырех формах: первое хозяйство – это мой домашний питомник, где пантачи содержатся в неволе до срезки пантов и потом выпускаются во второй отдел, в полупарк, на мыс Орлиное Гнездо; третий отдел – парк Туманная гора; и, наконец, примыкающая к Туманной горе тайга – как постоянный резерв диких оленей. Я мечтал дальше, что я в своем новом деле приручения новых видов диких животных окружу себя, по рекомендации Лувена, китайцами, подобными ему, и сделаю так, чтобы они, оставаясь внутренне независимыми от соблазнов цивилизации, сами бы становились, как европейцы, капитанами и могли постоять за свое (гл. XII).

Безусловно, и сам герой осознует утопичность своей мечты, но он не опускает руки, а надеется на гуманное будущее человечества:

(...) как ни бейся, как ни будь талантлив и умен, – пока не создались условия, пока не пришел срок, все твое лучшее будет висеть в воздухе мечтой и утопией, только я чувствую, я знаю одно, что мой корень Жень-шень где-то растет, и я своего срока дождусь (гл. XII).

Помимо красоты и великолепия природы, Пришвин показывает ее разрушительные, смертоносные силы, ее глубинный трагизм, который постигает герой-рассказчик во всей полноте, непостижимости и неподвластности в сцене гибели «прекрасных оленей» Серого Глаза и Черноспинника. Это разрушительное начало герой открывает не только в природе, но и в собственной душе. Оно определит его отношение к героине (к «ней»), сыграет важную роль в судьбе Лувена; вместе с тем оно сближает и роднит, как это ни парадоксально, мир природы и человека, свидетельствует о единстве их судьбы. Тема трагической и страдальческой судьбы всего живого раскрывается, в частности, в словах героя-рассказчика, который спрашивает: «Так отчего же, если кругом так прекрасно, является эта как будто смертельная боль?» (гл. XV).

Понимание природы, к которому в итоге приходит герой-рассказчик, очевиднее всего раскрывается в сцене, когда он пытается вернуть оленей после их побега из питомника. Как исследователь, герой отказывается мерить оленей «по себе». В своем *Дневнике* от 1937 года Пришвин писал:

Самая злая неправда о природе бывает от самомнения плохо образованного человека; он ставит себя слишком высоко для того, чтобы считаться с какими-то зверушками, и оттого спешит объяснить их жизнь по себе – человеку (...) [Пришвин 1937, *Дневники*, online].

Их мир – другой, но вместе с тем он осознает с ними родство и чувствует их по-родственному.

Эта небольшая по объему повесть Пришвина концентрирует в себе глубокие размышления писателя о силе человеческого духа, о новых возможностях культуротворчества, о всепрображающей силе любви и единстве всего живого на Земле. Главный модус пришвинского Всеединства – природный мир. Природа не существует как нечто внешнее, противостоящее человеку, она не мыслится как нечто, находящееся вне человека. Концепция Всеединства, по которой единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех, отразилась и в *Жень-шене*, и в *Родниках Берендея* (1925), и в *Журавлиной родине* (1929) и в других книгах писателя.

Русский космизм близок Пришвину своим отказом от покорительского отношения к природе, попыткой выдвинуть подход организмически-родственный, подчеркивающий целостность природы, где человек лишь ее часть, хоть и ведущая (человек – высшая форма ее организации). По мнению писателя, на определенном этапе естественной эволюции человек выделился из природы, однако их единство сохранилось по сегодняшний день. В *Календаре природы* (1935) автор пишет:

Так миллионы лет тому назад нами были утрачены крылья, такие же прекрасные, как у чаек, и оттого, что это было очень давно, мы ими теперь так сильно любимся.

Мы потеряли способность плавать, как рыба, и качаться на черенке, прикрепленном к могучему стволу дерева, и носиться из края в край семенными летучками, и все это нам нравится, потому что все это наше, только было очень, очень давно [Пришвин, *Календарь природы*, миниатюра *Лягушки ожили*, 49, online].

В человека вошли все элементы природы, и если он только захочет, то может перекликнуться со всем существующим вне его [Пришвин, *Лесная капель*, миниатюра *Осиновый пух*, 19, online].

Высшую ценность человек представляет в учении Федорова. Этот мыслитель создал космическую утопию. В основе его проекта лежит мечта о полноовладении тайнами жизни, о победе над смертью, о достижении человеком богоподобной власти в преображенном мироздании:

Мир дан не на поглядение, не мирозерцание – цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желаниям [Федоров, *Философия...*, online].

Философ настаивает на то, что природа ищет в человеке своего «хазяина»: «сама природа сознает себя в человеке и силится, стремится управлять собою» [Федоров, *Падающие миры...*, online], а возникновение человека – это усилие самой природы обрести сознание:

Создание человека или явление его не было случайным, а было необходимостью для земли, для целого мира, как необходим разум для природы (...) [Федоров, *О смертности*, online].

Природа как будто в процессе своей эволюции стремилась к созданию какого-то высшего существа и не жалела для этого миллионы индивидуальных жизней, целые роды и семейства. С человеком появляется сознание, острое чувство своей индивидуальности, глубокое страдание от утрат, а возникновение человеческого сознания ставит под сомнение прежнюю налаженность, смысл и гармонию природы. Объявляется война «слепоте», стихийности, фатальности природного закона, война за спасение, преображение самой природы в братском союзе всей земной твари [Мохнаткина 2005, 22].

Федоров полагает, что человек призван преобразовать природу, спасти космос, отворотить наступающий хаос:

Природа, враг временный, будет другом вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную. Задача сынов человеческих – восстановление жизни, а не одно устранение смерти. В этом – задача верного слуги, задача истинных сынов Бога-отцов, Бога Троидного, требующего от Своих сынов подобия Себе, братства или многоединства [Федоров, *Кто наш общий враг...*, online].

На вопрос поставленный в заглавии своей статьи *Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный?* философ отмечает:

Она [природа – IZ.] – сила пока мы бессильны, пока мы не стали ее волей. Сила эта слепа, пока мы не разумны, пока мы не составляем ее разума [Федоров, *Кто наш общий враг...*, online].

Мыслитель делает вывод о потребности сознательного управления эволюцией (идея «регуляции»¹⁷: регуляция природы – это, по Федорову, сознательный этап развития мира), преобразования всей природы, исходя из глубинных потребностей нравственного чувства и разума человека, который не только высшая точка развития природы, но и субъект обратного воздействия на породившую его природу для ее преобразования и одухотворения.

В своей работе *Философия общего дела* (вышедшем после смерти философа в 1903 г.) Федоров ясно осознавал, что эксплуатирующая деятельность человека на планете способствует приближению конца. Философ одним из первых заговорил о возможности экологической катастрофы и уничтожения жизни на земле:

Настоящее время едва ли не самое критическое; предстоит решить основной вопрос: выделившиеся из общины должны возвратиться в нее, или же община должна разрушиться? В последнем случае судьба наша известна (...) [Федоров, *Философия...*, online].

Федоров предостерегает:

Цивилизация, умеющая брать с земли большие барыши, не умеет обеспечить даже необходимого минимума навсегда и для всех [Федоров, *Философия...*, online].

Поэтому проект «регуляции природы» подразумевает «внесение в природу разума и воли», ее одухотворение, восстановительную и «любовно-творческую работу» [Федоров, *Философия...*, online]. Кроме того, философ призывает к объединению всех наук вокруг астрономии и выступает с идеей космизации науки. Вместе с тем, естественнонаучные идеи свободно сосуществуют в его учении с христианским ас-

¹⁷ Два основных вопроса регуляции, продовольственный и санитарный, формируются Федоровым в *Философии общего дела*. Они вмещают в себя весь перечень задач человека в деле управления слепыми силами природы. Санитарный вопрос философ понимает как всеобъемлющий вопрос об оздоровлении всей земли, как восстановление телесного и душевного здоровья человека, освобождение от всяких болезней и органических пороков. Продовольственный вопрос разрешается путем овладения атмосферными явлениями, метеорологическими процессами, поиска новых источников энергии, овладение энергией солнца. В этом процессе регуляции должен измениться и сам организм человека, люди должны будут восстановить утраченное родство и братство, а самое главное – обрести бессмертие и воскресить «отцов» [Федоров, *Философия...*, online].

пектом процесса воскрешения. Воскрешение всех умерших на земле¹⁸ – центральный пункт, вершина регуляции для Федорова, это исполнение «завета Христа – сына Божия и вместе Сына Человеческого» о «соединении небесного с земным, божественного с человеческим» [Федоров, *Философия...*, online]. Мыслитель убежден, что божественная воля действует через человека как разумно-свободное существо. Главная задача человека – стать активным орудием воли Бога.

Отдельные воззрения Федорова сознательно или бессознательно проникали в произведения Пришвина; в его текстах постоянно звучат философские вопрошения смысла и цели явления человека в мир. Но прежде всего в философской концепции ученого писателю импонировали идеи «регуляции природы» с целью преобразования мира, создания общества на основе сыновнего, родственного сознания, необходимости сознательного управления эволюцией, исходя из глубинных потребностей нравственного чувства человека. Это чувство открытости Земли во Вселенную, как бесконечную и необозримую среду (такое космическое чувство характерно для *Философии общего дела*), в которой плывет наш земной космический корабль с нами (мы пассажиры этого корабля):

¹⁸ Высшая цель регуляции, воскрешение предков («отцов»), т.е. всех ранее живших людей, выглядит совершенно фантастично. Но фантастические проекты Федорова сменились глубоко научными идеями Циолковского и Вернадского о связи человека с окружающей нас природой и с космосом в целом. Внимательное изучение проектов Федорова обнаруживает в них несколько подходов к проблеме воскрешения. Один из них предусматривает собирание рассеянных частиц вещества праха умерших и сложение их в тела на основе «познания и управления всеми молекулами и атомами внешнего мира». Иначе говоря, если будет установлена уникальная комбинация телесных частиц того или иного человека, он будет воскрешен для новой жизни. Мыслитель видит еще одну возможность воскрешения. Ее условно можно назвать наследственно-генетической. Она требует, как и первая, глубочайшего исчерпывающего знания предков, генеалогического древа человечества во всех его ответвлениях, побегов, связях частей. В идеале ставится задача установить весь наследственный род, говоря современным языком, найти последовательный генетический код человечества, восходящий к немногим прародителям. У философа восстановление умерших никогда не мыслится как изобретение некоего рецепта бессмертия, это «дело личное, каждого, как сына, как родственника». Воскрешение мыслится как глубоко интимный процесс, в ходе которого сыны человечества сознательно «рождают» из себя всеми своими тончайшими и колоссально сосредоточенными энергиями вместе с материей и силами внешнего мира, ставшими послушными их регулирующей воле, своих родителей, а те своих, и так постепенно всех людей, родственников одной, ныне далеко разошедшейся человеческой семьи. Все воскрешенные будут носителями нового космического сознания, свободного от жестокости, насилия и других человеческих пороков. Отношения между новыми людьми будут строиться по законам мировой нравственности [Мохнаткина 2005, 27].

(...) И мне стало, будто я путешествую, а корабль мой – планета Земля. (...) Мы все воспитывались в сознании жизни на плоскости и в неподвижности, не учитывая в своей обыкновенной жизни головокружительный полет нашей планеты [Пришвин, *Календарь природы*, 85, 86, online].

При всей своей любви к природе Пришвин умеет также обнажить сущность ее закона, основанного на борьбе, смерти, взаимном вытеснении и потреблении друг друга. В книге *Глаза земли* (1957, полностью опубликованные в 1990)¹⁹ в одной из философских миниатюр *Мертвая бабочка* писатель показывает «прелестную» картину природы: на цветке мяты, раскинув крылья, лежит бабочка, в нее незаметно для глаза впился паук и выпил ее, «а мимо проходили дачники и говорили: «Какая природа, какой день, какой воздух, какая гармония!» [Пришвин, *Глаза земли*, online]. В следующей миниатюре *Сила единства* автор ставит вопрос: «(...) почему же мы, входя в природу, чувствуем радость?» [там же]. По его мысли, человек сам вносит гармонию в природу; ее созерцание обладает для него особой эстетической привлекательностью. Но нравственное проникновение в природу, как считает писатель, рождает совсем другое отношение:

Сущность человеческого прихода в мир природы является восстанием на метод природы, или, просто сказать, возмущением смертью как способом такого движения [Пришвин, *Глаза земли*, миниатюра *Восстание человека*, online].

И тут человеку открывается более глубокая истина природы: она как бы ждет в человеке настоящего «хозяина», «царя природы»:

И когда пройдет возмущение, и одумаешься, и вспомнишь, что нет тут, хозяина, что все само складывается от ветра, влаги, земли и солнца, так

¹⁹ Книга Пришвина *Глаза земли* – это поэтические раздумия, философско-лирические миниатюры, афоризмы. Этот труд, как и некоторые предшествующие ему (*Календарь природы*, 1935, *Фацелия*, 1940, *Лесная капель*, 1940), извлеченные из дневников писателя, явили его мастером афористической прозы, особого жанра, редкого в русской литературе. К этому жанру относится также его книга *Незабудки* (1960). Сам писатель говорит: «Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы, романа или поэмы, но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник, быть может, лучше, чем всякая другая моя форма» [Пришвин, Пришвина, 38, online].

Циклы миниатюр были результатом обозначенных в конце XIX – начале XX вв. экспериментов. В это время появляется большое количество произведений «большой» формы, в основе написания которых лежали принципы циклизации. Писатели искали новые формы для выражения мыслей [См. шире: Минакова 2016].

еще хуже становится, и еще больше захочется вмешаться в дело природы и вывести всю эту лесную жизнь на человеческий путь [Пришвин, *Глаза земли*, миниатюра *Возмущение на хозяина*, online].

В этих словах Пришвина явно прослеживается федоровская идея о том, что человек должен стать разумом природы и ее преобразователем. В *Глазах земли* художник высказывает мысль о человеке как центре мироздания, используя образ дерева:

Человек, как царь природы, есть ствол дерева. Человек задан в природе, как держава единая, его движение, его рост, его борьба за единство [Пришвин, *Глаза земли*, миниатюра *Отечество*, online].

Дерево символизирует природу, которая «есть все», то есть само мироздание, а человек – его основу. Далее эта мысль конкретизируется:

Вся природа содержится в душе человека. Но в природе – не весь человек. Какая-то ведущая часть человека, владеющая словом, вышла за пределы природы и теперь больше и дальше – ее [Пришвин, *Глаза земли*, миниатюра *Зеркало человека*, online].

«Ведущая часть человека» – это его разум:

Человек в природе – это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство [Пришвин, *Незабудки*, 1, online].

Представление писателя о сфере разума – процессе возникновения мысли и ее воплощении в жизни человека отразилось и в романе *Кашеева цепь* (1922–1928, 1953), и в повести-сказке *Корабельная чаща* (1954), но наиболее полно раскрыто в *Лесной капели* (1940) и *Глазах земли* – книгах, составленных Пришвиным из лирико-философских миниатюр. По мысли писателя, человек, обладающий рефлексией, сознанием и онтологической свободой, – уникальный природный феномен, ибо он способен переделать природу мыслью, испытывая «радость самосознания в деле созидания космоса» [Пришвин, *Натаска Ромки*, 74, online].

Будущего «хозяина» Пришвин называет еще по-другому – это «Всечеловек» (или «Весьчеловек»). В нем выражен весь идеальный, конечный результат развития человека, и причем не просто человека, а коллективного существа всего человечества. Всечеловек писателя – это образ мечты о всеединстве свободных, братских личностей, включивших в себя всю преображенную природу и все земные поколения [Мохнаткина 2005, 33]:

Вот и понятно теперь, что Весьчеловек, обнимающий собой всю природу, конечно, и должен неминуемо определить в себе достойное место и каждой блохе, и клопу, и потому именно, что их жизненная сила превратится в сознание [Мохнаткина 2005, 33]²⁰.

Всечеловек у Пришвина – знак целостности, космического универсума, прообраз, пра-феномен как человека, так и всего видимого мира. Поиски «Всего человека», «*homo maximus*» – это духовные поиски универсальной личности [Борисова 2003, online]:

Основное руководящее нашей совестью чувство жизни такое, что все мы живем для целого, всего человека, и каждый из нас в тишине души своей согласуется с ним (совесть) и согласует своего ближнего (люби ближнего). Но только в исключительный момент жизни удастся нам понимать свою личную жизнь в согласии со всем этим тайным человеком (...) [Пришвин 1946, *Дневники*, дневник от 21 августа, online].

Вместе с тем, Пришвин, как и Николай Федоров, не представляет будущего Всечеловека без поколений, унесенных смертью в пору господства слепого стихийного природного закона, поэтому,

когда, наконец, он [Всечеловек] будет сотворен, то, конечно, все мертвые во гробах воскреснут, значит, займут свое место в составе этого всего и единого в себе человека. Радость этого сознания и будет праздником всеобщего воскресения [Мохнаткина 2005, 33].

Поэтические раздумья Пришвина о мире и месте человека в нем корреспондируют с научно-философской концепцией Владимира Вернадского о ноосфере (сфере разума)²¹. Ноосфера (от греч. *noos* – разум и *sphagia* – шар) – область взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным, определяющим фактором развития. В пределах ноосферы человечество глубоко перестраивает низшие, природные формы материи,

²⁰ Цитата взята из *Дневников* Пришвина. Цитируя Пришвина, я пользовалась работой Мохнаткиной.

²¹ Термин и понятие «ноосфера» были введены в науку французскими учеными – математиком Эдуардом Ле Руа (Edouard Le Roy, 1870–1954), философом Пьером Тейяром де Шарденом (Pierre Teilhard de Chardin, 1881–1955) и Вернадским, который «закрепил» этот термин, опубликовав в 1944 *Несколько слов о Ноосфере*. Разумеется, Пришвин не использовал данный термин, но ему близки и идея ноосферы как области универсума, и идея переустройства мира на началах истины, добра и красоты.

постепенно становясь главным фактором эволюции Вселенной. В перспективе ноосфера будет расширяться за пределы Земли, превращая человека в фактор космической эволюции [Орлов 2009, 182].

Учение о ноосфере ориентирует на разумную, отвечающую потребностям развивающегося человечества организацию взаимодействия общества и природы – в противоположность стихийному, хищническому отношению к ней, приводящему к разрушению окружающей среды.

Пришвин интуитивно подошел к близким Вернадскому идеям и в своих художественных работах отрицал технократическую концепцию прогресса и выступал против идеи покорения природы. Его творчество проникнуто глубоким экологическим смыслом:

Для иных природа – это дрова, уголь, руда, или дача, или просто пейзаж. Для меня природа – это среда, из которой, как цветы, выросли все наши человеческие таланты [Пришвин, *Натаска Ромжи*, 99, online].

Природа для меня – огонь, вода, ветер, камни, растения, животные – все части разбитого единого существа [Пришвин, *Незабудки*, 1, online].

В литературоведении, особенно советском, за писателем закрепилось имя «певца природы», так как автор обращался к онтологическим и «натурфилософским» проблемам. Образ Пришвина-натуралиста был «утвержден» Горьким (в письме Пришвину, написанном 22 сентября 1926 года в Сорренто) как безусловным советским литературным авторитетом: «Я думаю, что такого природолюбца, такого пронизательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как Вы, Михаил Михайлович, в нашей литературе – не было (...)» [М.М. Пришвин. *Жизнь...*, online]. Другой известный советский писатель Константин Паустовский говорил:

Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина [Варламов 2002, online].

Кроме того Пришвин исследовал отношения между бытием, цивилизацией и личностью во всем их многообразии. Природа понималась им «как система мироздания, Универсум, материально-«телесная» основа существования человечества и отдельной личности» [Яблочкин 1990, 55].

Для Пришвина характерно стремление к постановке самых важных философских проблем, попытка гармонизировать отношения человека с обществом и природой, цивилизации с Вселенной. В своих

произведениях писатель осмыслил общефилософскую проблему «человек и природа» между прочим со стороны родства и единства человека с живой и неживой природой, затрагивая при этом экологические проблемы. Позиция Пришвина образована не простым соединением пантеистических и антропоцентрических взглядов на природу и человека по принципу дополнительности одного другим. На самом деле – это нерасчленимое целое, возникшее на основе глубокого синтеза и являющее собой принципиально новое качество. Этот синтез осуществлен на основе философского понимания мира как взаимосвязанных сущностей, диалектически объединенных законом движения и превращений материи. Писатель в принципе не признает возможным автономное, самодостаточное существование отдельной части от целого, поэтому и человек для него является, может быть, важнейшим, но не отделимым от единой природной жизни элементом. Когда писатель призывает к «организации природы, материи в интересах человека» [Пришвин, *Глаза земли*, миниатюра *За чтением Фауста*, online], он не думает о потребительском эгоизме человека в отношении с природой. Пришвин решительно противопоставил хищной эксплуатации природы ее разумную регуляцию, внесение в нее через человека нового братского, нравственного принципа существования. Немалое значение в изображении природы как единства сущего имеет апелляция писателя к мироощущению ребенка²², для которого мир является цельностью, и в то же время он осознает себя особой его частью – познающей мир. Человек, рождаясь, находится в теснейшем соприкосновении с природой, во взаимодействии со средой. «Будем как дети» – важный художественный принцип Пришвина.

Литература

- Акимов В.М., 1995, *Сто лет русской литературы. От серебряного века до наших дней*, Санкт-Петербург.
- Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 гг.*, 2005, под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. Л.В. Максименков, Москва.
- Борисова Н.В., 2001, *Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина*, Елец.

²² Пришвин говорил о том, что к экологической катастрофе приводит потеря ответственности и духовный кризис. Поэтому особое внимание писатель уделяет воспитанию души ребенка, создавая экологические сказки и рассказы для детей (напр., *Лесной хозяин*, *Сухостойное дерево*).

- Борисова Н.В., *Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина*, [online], <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/kritika/borisova-mifopoetika-vseedinstva/index.htm>, [06.07.2016].
- Борисова Н.В., 2003, *Философия всеединства в творческом наследии М. Пришвина*, [в:] *Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия*, материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя, Е.Т. Атаманова, Елец, Вып. 2, [online], <http://www.elsu.ru/prishvin.html>, [15.07.2016], с. 123–131.
- Варламов А., 2002, *Пришвин, или Гений жизни*, «Октябрь» № 1, [online], <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html>, [28.07.2016].
- Воспоминания о Михаиле Пришвине*, 1991, сост. Я.З. Гришина, Л.А. Рязанова, Москва.
- Гурленова Л.В., 1998, *Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов*, Сыктывкар.
- Давыдова Г.А., 1983, *Проблема отношения человека и природы в философско-исторической концепции К. Маркса*, [в:] *Философские проблемы глобальной экологии*, Москва, с. 6–30.
- Зотов И.А., 1982, *Человек и природа в творчестве М. Пришвина*, Москва.
- Комаров С.А., «*Внешнеполитический*» фельетон в творчестве В.П. Катаева 1920–40-х годов, [online], [file://C:/Users/Iw/Downloads/Nzl2013_3\(1\)---11.pdf](file://C:/Users/Iw/Downloads/Nzl2013_3(1)---11.pdf), [25.07.2016].
- Майков В.В., Козлов В.В., 2007, *Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том II. Российский трансперсональный проект*, Москва, гл. 14: *Русский космизм и учение Н.Ф. Федорова об «Общем деле»*, [online], <http://scibook.net/osnovyi-religovedeniya/russkiy-kosmizm-uchenie-fedorova-obshchem-35563.html>, [12.08.2016].
- Минакова А.В., 2016, *Миниатюра в русской прозе первой трети XX века*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- М.М. Пришвин. Жизнь и творчество*, [online], <http://www.prishvin.org.ru/ll-aaaa-85/>, [12.08.2016].
- Мохнаткина Ю.С., 2005, *Философия природы в творчестве М.М. Пришвина и А.П. Платонова*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Владимир.
- Орлов С.В., 2009, *История философии*, Санкт-Петербург.
- Перевезенцев С.В., *Владимир Сергеевич Соловьев*, [online], <http://www.portal-slovo.ru/history/35587.php>, [12.08.2016].
- Платонов А., 1985, *Собрание сочинений: в 3 томах*, Москва, т. 2.
- Пришвин М.М., *В краю непуганых птиц*, [online], <https://myread.xyz/read/b/8197/p/14>, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Глаза земли*, [online], <http://ruslit.traumlibrary.net/book/prishvin-glaza/prishvin-glaza.html>, [06.08.2016].

- Пришвин М.М., 1937, *Дневники*, [online], <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/1905-1954-8tom1986/1937.htm>, [30.08.2016].
- Пришвин М.М., 1946, *Дневники*, [online], <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/1905-1954-8tom1986/1946.htm>, [15.08.2016].
- Пришвин М.М., *Жень-шень*, [online], http://www.e-reading.club/bookreader.php/1033918/Prishvin.-Zhen_Shen.html, [15.08.2016].
- Пришвин М.М., *Журавлиная родина*, [online], <http://7lafa.com/book.php?id=155160&page=1>, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Календарь природы*, [online], http://www.rulit.me/programRead.php?program_=383166&page=1, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Касеева цепь*, [online], http://modernlib.ru/books/prishvin_mikhail_mihaylovich/kascheeva_cep/read_1/, [15.08.2014].
- Пришвин М.М., *Лесная капель*, [online], <https://litlife.club/br/?b=242515>, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Мирская чаша*, [online], <https://litlife.club/br/?b=22414>, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Мой очерк*, [online], <http://coollib.com/b/301823/read>, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., В.Д. Пришвина, *Мы с тобой (Дневник любви)*, [online], http://www.rulit.me/programRead.php?program_id=20006&page=1, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Натаска Ромки*, [online], http://www.rulit.me/programRead.php?program_id=368898&page=1, [06.08.2016].
- Пришвин М.М., *Незабудки*, [online], <http://www.rulit.me/books/nezabudki-read-383168-1.html>, [06.08.2016].
- Пришвин М., 1984, *Осударева дорога*, Изд-во «Художественная литература», [online], http://vk.com/doc116617287_140495677?hash=b47aa4b1cd749a334&dl=28aabb49a7217e1962, [12.08.2016].
- Русская литература XX века. В двух томах*, 2005, под ред. Л.П. Кременцова, Москва, т. 1: 1920–1930-е годы.
- Семенова С., 1989, *Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе*, Москва.
- Соловье В.С., *Враг с Востока*, [online], <http://mirosvet.narod.ru/sol/vsv.htm>, [15.08.2016].
- Трубицина Н.А., 2011, *Культурный неомиф Михаила Пришвина (на материале повести «Жень-шень»)*, Елец, Вып. 9, с. 78–90.
- Федоров Н.Ф., *Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но, тем не менее, враг лишь временный?*, [online], <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=f13&gl=1&PHPS ESSID=7e57bc82f12>, [06.08.2016].
- Федоров Н.Ф., 2013, *О смертности*, Litres, [online], <https://books.google.pl/books?id=3zpSELJSsywC&printsec=frontcover&hl=pl#v=onepage&q&f=false>, [06.08.2016].

- Федоров Н.Ф., *Падающие миры и противодействующее падению существо*, [в:] Федоров Н.Ф., *Статьи о регуляции природы*, [online], http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_o_regul_prirod.html, [07.08.2016].
- Федоров Н.Ф., *Философия общего дела*, [online], <http://vzms.org/delo.html>, [06.08.2016].
- Хализев В., 1998, *Нравственная философия Ухтомского*, «Новый Мир» № 2, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/2/rec08.html, [06.08.2016].
- Халий И.А., 2000, *Общество и природа: экологосоциологический подход*, [в:] *Поиск истоков*, под. ред. Э.С. Кульпина, Москва, с. 165–169.
- Холодова З.Я., 2000, «Жизнь не дает свободы писателю...» (*К проблеме творческого поведения М. Пришвина*), [в:] *Потаенная литература*, Иваново, ч. 1, с. 181–190.
- Чехов А., *Свирель*, [online], <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6231>, [30.08.2016].
- Яблоков Е.А., 1990, *Художественная философия природы: (Творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 20-х – начала 30-х годов)*, [в:] *Советская литература в прошлом и настоящем*, Москва, с. 55–71.

PHILOSOPHY OF LIFE IN THE WORKS OF MIKHAIL PRISHVIN
AS A PROTEST AGAINST THE EXPLOITATION OF NATURE

S U M M A R Y

This article examines the writing of Mikhail Prishvin – author of multiple works written in the form of poetic belles-lettres prose, in which he presents a man in his organic connection with nature (eg. *The Root of Life*), author of lyrical and philosophical miniatures (eg. *Nature's Diary*), in which he contemplates the world of plants and animals, eyeing the life of the inhabitants of the forest, describing natural phenomena. Throughout his life Prishvin kept journals which inspired many of his works and are a valuable document of author's contemporary era.

In his literary works Mikhail Prishvin discussed the meaning of human life and man's destiny. His philosophical views were largely shaped by philosophical thought of Nikolai Fyodorov and Vladimir Solovyov. He also related to Vladimir Vernadsky's idea of "noosphere" (sphere of human thought).